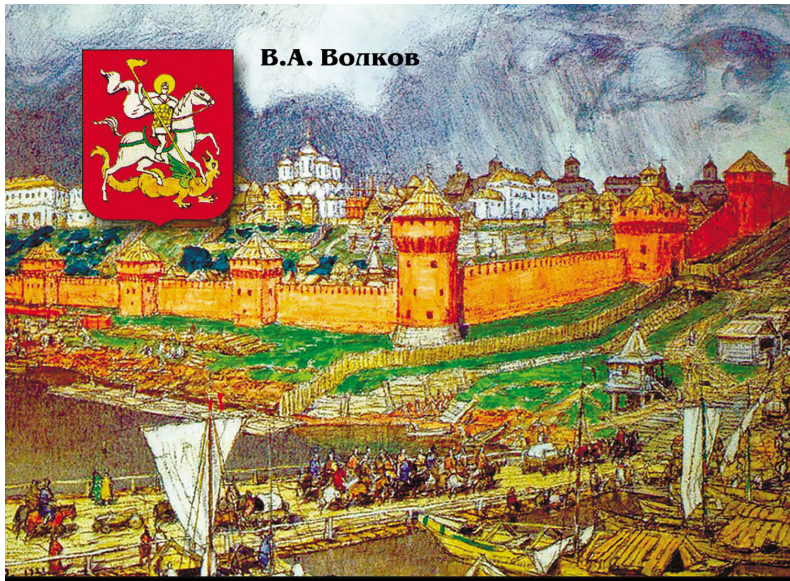

В.А. Волков

ПОД СТЯГОМ МОСКВЫ

Войны и рати

Ивана III и Василия III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Владимир Алексеевич Волков

Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20535294

*Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III:
Монография. – 2-е изд., доп. и перераб. / Волков В.А: Прометей;
Москва; 2022
ISBN 978-5-00172-249-6*

Аннотация

Главной целью настоящей книги является всестороннее рассмотрение особенностей военно-политического развития Московского государства второй половины XV и первой трети XVI веков – эпохи двух великих государей, Ивана III и его сына Василия III, завершивших дело создания из малых осколков киевской «Империи Рюриковичей» новой могучей Русской Державы, предшественницы Российского Царства.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

От автора	6
Часть первая	10
Глава 1	26
Глава 2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Волков

Под стягом Москвы.

Войны и рати Ивана III и Василия III: Монография

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из души, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.*

*Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.*

М. Волошин

Рецензенты:

Перевезенцев С. В., доктор исторических наук, профессор
МГУ им. М. В. Ломоносова;

Фомин В. В., доктор исторических наук, профессор, заве-

дующий кафедрой отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета.

2-е издание, дополненное и переработанное

© Волков В.А., 2022

© Издательство «Прометей», 2022

От автора

На протяжении тысячелетней истории Российского государства приоритетными в деятельности его властителей и правительств оставались вопросы обеспечения защиты и безопасности страны, требовавшие всемерного развития и укрепления вооруженных сил. Особенно актуальными эти задачи стали в эпоху образования Московского государства, сложившегося в ходе договорного присоединения и военного захвата сопредельных княжеств и земель. Властители этой небольшой, долго еще платившей дань Орде державы век от века набирали силы, стремились собрать под своей твердой рукой все русские земли. Успех объединительной политики нескольких поколений потомков Ивана Калиты обеспечили тщательно продуманные дипломатические акции Москвы, заслуги ее полководцев и могущество войска, уже тогда значительно превосходившего по боевым возможностям вооруженные силы других княжеств-государств Северо-Восточной и Северной Руси.

Главной целью настоящей книги является всестороннее рассмотрение особенностей военно-политического развития Московского государства второй половины XV и первой трети XVI веков – эпохи двух великих государей, Ивана III и его сына Василия III, завершивших дело создания из малых осколков киевской «Империи Рюриковичей» новой могучей

Русской Державы, предшественницы Российского Царства.

Хронологические рамки исследования определены следующим образом: начало – временем образования единого Русского государства при Иване III, когда началась перестройка московской княжеской армии, в ходе которой мелкий княжеский и боярский вассалитет превратился в государевых служилых людей – помещиков, получавших за верную службу в условное держание земли, населенные крестьянами, было сброшено многовековое ордынское иго, произошло присоединение к Москве Новгорода и Твери, Вятской земли, части западнорусских княжеств; конец – войнами и походами Василия III, сумевшего завершить начатые отцом преобразования: усилить артиллерию, пополнить армию отрядами стрелков-пищальников, прибавить к своим владениям Псков, Смоленскую землю и Рязанское княжество.

В эту эпоху, помимо летописного освещения хода отечественной истории, появились и другие письменные источники, рассказывавшие о войнах и войсках русских государей Ивана III и Василия III. Это работы посещавших нашу страну иностранцев или писавших о ней европейских хронистов – Георгия Перкамоты, Сигизмунда Герберштейна, Бальтазара Рюссова и других авторов¹. Также с конца XV века стали

¹ Перкамота Г. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР (Труды ЛОИИ АН СССР). № 5. М. 1963; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края (далее Прибалтийский сборник). Т. 2. Рига, 1879–1880.

вести разрядные книги, сохранившие сведения о ежегодных служебных назначениях русских воевод, организации военных сил государства². Помимо разрядных записей огромный интерес представляют документы русских и иноземных посольств. В них отразилась предвоенная и послевоенная ситуация на границах Руси, показан ход мирных переговоров, заключения союзнических обязательств и т. п.³ Но несмотря на появление новых, достаточно информативных источников, в деле изучения военной истории России периода правления Ивана III и Василия III есть много спорных моментов, касающихся не только конкретных обстоятельств боевой практики русских воевод, но и значимых факторов, прежде всего – определения состава, численности ратных сил, их вооружения, подготовки, снабжения, организации обороны границ.

Историку, освещающему военную историю Московской Руси XV–XVI столетий, необходимы как профессиональная компетентность, так и понимание сложности выбранной темы. Ему предстоит не только реконструировать исторические события, их истинную подоплеку, но и глубже разобраться в теме, рассказав читателям о бытовавшем то-

² Разрядная книга (далее РК) 1475–1598 гг. М., 1966; РК 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.

³ Сборники Русского Исторического общества (далее Сб. РИО) Т. 35. СПб., 1882; Сб. РИО Т. 41. СПб., 1884; Сб. РИО. Т. 95; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел (далее СГГД). Ч. 5. М., 1984.

гда, но почти утраченном сейчас отношении к ратному делу как первостепенному в деле обеспечения защиты и обороны Отечества. Впрочем, только так можно восстановить славные боевые традиции Руси, без которых немислимо существование и развитие национальных вооруженных сил.

Владимир Волков

Часть первая

Русское государство в войнах и военных конфликтах второй половины XV – начала XVI веков

Рис. 1. Иван III Васильевич.

Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1575 г.

На протяжении почти четверти тысячелетия Русь добивалась освобождения от власти татарских ханов. Избавление от ордынского плена (польскими хронистами названного «игом») стало процессом долгим и мучительным. Свершилось оно трудами нескольких поколений московских князей, потомков Ивана Калиты. Самый успешный из них, Иван III, прозванный Державным, самостоятельно, без ханского соизволения, правил своей землей, став самодержцем и получив благодаря этому возможность формировать равноправные отношения с соседними странами. Он также вел активную деятельность по объединению русских княжеств, еще сохранявших некоторую самостоятельность. Собрание Руси, как правило, проходило вооруженным путем. Таким же образом – через военное, а потом договорное разрешение имевшихся спорных территориальных проблем – утверждались внешние границы страны. Почти одновременно Ивану III предстояло подчинить своей воле и привести к покорности Новгородское государство, Тверское княжество, Вятскую землю, выстоять в противоборстве с Большой Ордой и Казанским ханством, уладить пограничные споры со Швецией, Ливонской конфедерацией⁴ и Великим княжеством Ли-

⁴ Ливонская конфедерация возникла в 1435 году и представляла собой союз Кавалерского Тевтонского ордена в Ливонии (Ливонского ордена), Рижско-

товским, находившимся тогда в личной унии с Польским королевством. Все эти конфликты были успешно разрешены, хотя победы над многочисленными врагами дались Державному нелегко и потребовали значительных сил и времени.

Пожалуй, наиболее сложно складывались тогда отношения с Литвой, прибравшей к рукам многие западнорусские земли. В 70—80-е годы XV века Москва пыталась добиться отказа Вильны от мнимых и действительных прав и претензий на Новгород, Великие Луки и Ржевские волости, а также вернуть под свою власть земли князей Одоевских, Воротынских, Белевских. Представители этих фамилий принадлежали к общему роду князей Новосильских, перешедших на литовскую службу в годы междоусобной войны второй четверти XV века в Московском княжестве. Теперь, после зримо-го усиления Русского государства, они начали возвращаться, побуждаемые к тому агентами Ивана III. На другие территории Великого княжества Литовского Москва тогда не претендовала. Лишь позднее, уже во времена Василия III, русские дипломаты публично заявили, что Литва «неправдою» держит «отчину» великого князя – Киев, Полоцк и другие города Русской земли⁵. Впрочем, в то время Москве

го архиепископства, Дерптского епископства (епископства Дорпат), епископства Эзель-Вик и епископства Курляндия. Возглавлял это государство пожизненно назначаемый ландмейстер, а затем магистр Ордена.

⁵ Сб. РИО.Т. 35. СПб., 1882. № 85. С. 512. О статусе князей Новосильских см.: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995 С. 80–81.

пришлось ограничиться присоединением лишь Смоленской земли.

Литовские великие князья не смогли смириться с потерей в порубежных войнах 1487–1494 и 1500–1503 годов части восточных территорий. Стремление добиться реванша просматривается во многих действиях Александра Казимировича, сумевшего вновь объединить под своей властью и Литву, и Польшу, а затем его брата и преемника Сигизмунда I Старого. История русско-литовских отношений первой половины XVI века знает целую серию войн: 1507–1508, 1512–1522 и 1534–1537 годов. Впрочем, последняя произошла уже после смерти Василия III и в данной книге не рассматривается. Показательно, что большинство мирных соглашений, заключавшихся тогда между Москвой и Вильной, носили временный характер. В 1503 году было заключено 6-летнее Московское («Благовещенское») перемирие. В 1522 году русские и литовские послы подписали новое dokonчание о 5-летнем мире, которое по истечении этого срока оказалось продленным: сначала на 6 лет (Можайское перемирие 1526 года), а затем, в 1532-м, еще на год⁶. Только в 1508 году стороны заключили не перемирие, «Вечный мир»⁷, но он сохранялся

⁶ Условия Московского перемирия 1503 года см.: Сб. РИО.Т. 35. СПб., 1882. № 75. С. 394–402; Lietuvos Metrika (далее – LM). Кн. 5 (1427—1 506). Vilnius, 1993. № 118.1. P. 209–212. Условия Московского 1 522, Можайского 1526, Московского 1532 года – Сб. РИО.Т. 35. № 93. С. 621–642; № 102. С. 743–747; № 111. V. С. 857–859.

⁷ LM. Кн. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995. № 80. P. 125–128.

всего 4 года и сменился тяжелейшей десятилетней войной. Она истощила силы и Московского государства, и Великого княжества Литовского, но ознаменовалась присоединением к Русской Державе Смоленской земли.

Отношения со Швецией, северным соседом Московского государства, осложнял спор из-за части карельской земли, уступленной ей Великим Новгородом по Ореховецкому договору в 1323 году. Эти территории включали в себя погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволакс)⁸. В 1495 году начался поход русского войска к Выборгу. Осада мощной крепости, в середине XV века перестроенной Карлом Кнутсоном, закончилась неудачей, но другие действия московских отрядов были намного успешнее, особенно предпринятые русскими воеводами военные экспедиции в Финляндию. Наибольший интерес из этих операций вызывает морской поход 1496 года князей Ивана Федоровича и Петра Федоровича Ушатых, войско которых вдоль берега обогнуло Кольский полуостров, захватило 3 шведских корабля и разорило «Каянскую землю» (Северную Финляндию).

Правитель Швеции Стен Стуре, встревоженный этими вторжениями, в августе 1496 года нанес ответный удар. 70 шведских кораблей высадили у стен русской крепости Ивангород 6-тысячное войско. Крепость, не готовая к обороне, была захвачена неприятелями, перебившими всех пленных.

⁸ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 106.

Иван III направил против шведов 3-тысячный отряд воеводы князя Ивана Федоровича Гундора и дьяка Михаила Степановича Кляпина, а затем рать псковского наместника, князя Александра Владимировича Ростовского. При приближении русских войск шведы ушли из Ивангорода. В 1497 году в Новгороде между Иваном III и Стеном Стуре было заключено 6-летнее перемирие, впоследствии продлевшееся правительствами Василия III (1524) и Елены Васильевны Глинской (1536).

Русская активность на западных и северных границах тревожила власти Ливонского ордена и дважды, в 1480–1481 и 1501–1503 годах, дело доходило до военных столкновений с Московским государством. Они, как правило, сводились к взаимному опустошению сопредельных территорий и заканчивались восстановлением старой пограничной линии⁹.

Сложная обстановка сохранялась на восточных и южных рубежах Московского государства, где продолжались татарские нападения. Их совершали войска двух государств, являвшихся крупными осколками старого Улуса Джучи, – Большой Орды и Казанского ханства. Большая Орда (Улуг-Улус), которая также именовалась Намаганским юртом (еще одно, более позднее, официальное название этого государства – «Тахт Эли», то есть Престольная или Тронная держа-

⁹ Рюсов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1 879. С. 291; Зимин А.А. Указ. соч. С. 71; Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 154–179.

ва¹⁰), претендовала на восстановление былого величия государства Батыя и Берке. Казанское ханство (Казан Канаты) возникло в Среднем Поволжье, на территории Болгарского, Джукетауского, Казанского и Кашанского княжеств. Следует признать, что самую большую опасность для Великого княжества Московского в середине XV века представляло именно Казанское ханство. Оно было постоянной угрозой для нижегородских и устюжско-вологодских земель. Само образование этого ханства происходило в регулярных войнах с Москвой. После отступления из Орды, захваченной его злейшим врагом Кичи-Мухаммедом, хан Улуг-Мухаммед в 1438 году попытался укрыться в литовском тогда Белёве. Несмотря на действовавший союз Василия II с изгнанным из родного юрта ханом, московский государь отправил против него свое войско, которым командовали двоюродные братья Василия Васильевича, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Они повели «и прочих князей множество, с ними же многочисленны полки»¹¹. 5 декабря 1437 года под стенами занятого татарами Белёва произошло большое сражение, закончившееся неожиданным поражением великокняжеской рати.

В Белёвской битве московские рати сначала обратили армию Улуг-Мухаммеда в бегство, но это оказалось хитрым маневром. Пока одни татарские отряды отвлекали русские

¹⁰ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 46, 49–50.

¹¹ ПСРЛ. Т. 26. М.—Л., 1959. С. 192.

полки, другая часть войск неожиданно ворвалась в Белёв и заняла его. В бою погибли воеводы А. Шонуров, Ф. Тарусский, А. Лобан Стародубский, Н. Туриков, С. Горсткин, К. Порховский, И. Кузьминский, А. Хоробров, Д. Кайса. Воспользовавшись растерянностью противника, войско Улуг-Мухаммеда перешло в наступление и разгромило рати великого князя. Досаднее всего тот факт, что перед сражением хан предлагал Василию II мир и обещал избавить Москву от уплаты дани («даст ми богъ, буду на царстве и доколя буду жив, дотоля ми земли Русские стеричь, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что»). Улуг-Мухаммед даже выразил готовность прислать в заложники одного из своих сыновей, Мамутека (Махмутека). Однако великий князь, уверенный в победе над врагом, принял решение атаковать войско хана и жестоко просчитался. Впрочем, потери понесли и противники. В сражении были убиты «зять царев и татар много». Однако эти жертвы себя окупили сполна и не стали фатальными. Татарское войско сохранило боеспособность¹².

В 1438 году хан захватил Нижний Новгород, посадив княжить там из своей руки Данилу Борисовича. Он происходил из рода суздальских князей, некогда владевших этим городом. В следующем году, 3 июля, Улуг-Мухаммед «безвестно» пришел к Москве, стоял под крепостными стенами десять дней, пожег посады, «зла много учини земли Русской» и ушел обратно обратно, захватив с собой немало людей. На

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 260. ПСРЛ. Т. 11–12. С. 24.

обратном пути татары выжгли Коломну «и людей множество плени, а иных изсекль»¹³.

Зимой 1444 года войско Улуг-Мухаммед вышло из Нижнего Новгорода и двинулось к Мурому. Навстречу ему выступили все князья, сплотившиеся на тот момент вокруг Василия II. Свои полки привели князь Галицкий и Углицкий Дмитрий Юрьевич Шемяка, Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич Белозерский, Василий Ярославич Серпуховской. Узнав о приближении большой русской рати, Улуг-Мухаммед ушел обратно к Нижнему Новгороду. Догнать его главные силы преследователям не удалось, но отдельные загонные татарские отряды были настигнуты под Муромом и Гороховцом. Часть налетчиков уничтожили, других пленили. Среди последних оказались и некоторые видные военачальники: Ихмуть-мурза и князь Азбердей Миширеванов¹⁴. Тогда же войско одного из сыновей хана, Мустафы-султана, было разбито великокняжескими воеводами Василием Оболенским и Андреем Голтыевым под Переяславлем-Рязанским на р. Листани. Сам Мустафа в этом бою погиб.

Военные действия продолжались и в 1445 году. Оставаясь в Нижнем Новгороде, Улуг-Мухаммед выслал в поход против великого князя сыновей, Мамутяка и Якуба. Василий II во главе своего войска выступил против татар, но это столк-

¹³ ПСРЛ. Т. 26. С. 192.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 197; ПСРЛ. Т. 11–12. С. 62.

новение закончилось еще одним его страшным поражением – 7 июля 1445 года под Суздалем.

Суздальская битва произошла у Спасо-Ефимьевского монастыря, на берегу р. Нерли. Как и в Белёвском сражении, превосходство было на стороне русских. Войска «царевичей» Мамутяка и Якуба стали отступать, но затем ударили по начавшим преследование и потерявшим строй полкам великого князя. В битве русские лишились всего командного состава: Иван Можайский и Василий Серпуховской были ранены и бежали с остатками своих войск, а сам Василий II, сражавшийся мужественно и получивший несколько ран, вместе с Михаилом Андреевичем Белозерским попал в плен к Мамутяку. Ордынцы потеряли в этой битве около 500 человек. После столь крупной победы торжествующие татары ворвались в Суздаль и три дня грабили его. Затем враги двинулись к Владимиру, перейдя через Клязьму, однако жители города успели подготовиться к обороне, и татары не рискнули осадить его, ограничившись грабежом предместий. После этого Мамутяк и Якуб вернулись в Муром, а оттуда ушли к отцу, в Нижний Новгород¹⁵.

Как видно из сказанного, защитить русское Поволжье от расположившегося на восточных рубежах страны опасного соседа оказалось непросто. Решение этой задачи потребовало чрезвычайных шагов, на которые приходилось идти и са-

¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 262–263.

мому Василию Васильевичу, и его сыну Ивану III, великому государю, сумевшему лишь через 4 десятилетия после описанных событий смирить казанских властителей, заставить их служить себе и русскому делу.

Иначе складывались взаимосвязи с Крымским ханством, власти которого в то время были заинтересованы в тесном союзе с московским князем для совместной борьбы с Большой Ордой. После гибели хана Ахмеда («Ахмата») в январе 1481 года (по крымским источникам – 21 января, по русским – 6 января)¹⁶ Ордой стали править его сыновья и племянники («Ахматовы дети»), традиционно поддерживаемые Великим княжеством Литовским и Польшей. В начале 80-х годов XV века «Ахматовы дети» усилили натиск на Крым, правителю которого порой приходилось прибегать к содействию русского союзника. Так, в 1485 году «ордыньский царь Махмут, Ахматов сын» разгромил войска крымского хана Менгли-Гирея (Менгли I Герая). В итоге он смог удержать власть в своих владениях лишь с турецкой и, отчасти, русской военной помощью. Наличие общих врагов – Большой Орды и Литвы – надолго превратило Крым в естественного союзника Москвы, чья поддержка облегчала многие внешнеполитические акции Ивана III¹⁷. Важным результатом его

¹⁶ Русская историческая библиотека (Далее РИБ). Т. 27. СПб., 1919. Стлб. 340; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 95.

¹⁷ Русские летописи сохранили рассказ о нападении в 1492 году отряда «ордынских казаков» под командованием Темеша на алексинскую волость Вошану. Воеводы Ф. Колтовской и Г. Сидоров настигли врага уже за пределами русских

государственной деятельности стало снижение уровня военной опасности, угрожавшей русским пределам со стороны татарских степей. Прекращение ордынских вторжений и сокращение до минимума мелких и не очень опасных наездов отрядов «ордынских казаков» самым благотворным образом сказалось на внутреннем развитии Русской Державы, проявившись как в росте численности ее населения, так и в увеличении экономического потенциала. Однако после окончательного разгрома Большой Орды (1502 год) крымские ханы попытались подчинить власти Гиреев все татарские юрты. Также они стали добиваться от Москвы признания вассальной зависимости от Кырк-Ера (Киркора), являвшегося резиденцией хана до Бахчисарая¹⁸. Именно на этой почве в начале XVI века стал вызревать новый русско-татарский конфликт, во многом предопределивший дальнейшую борьбу Москвы с Крымом и Турцией, длившуюся несколько веков.

Основным целям русской внешней политики соответствовали прочие дипломатические инициативы Ивана III, а затем и Василия III, продолжателя дела своего великого от-

земель, в степи, «промеж Трудов и Быстрой Сосны», и разгромили татар. Русские в этом бою потеряли убитыми 40 человек, ордынцы – 60, «иные идучи татарове в Орду ранены на пути изомроша». – ОР РГБ.Ф. 92. № 2. Л. 129 об.; ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 224–225.

¹⁸ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 164. Бахчисарай стал резиденцией крымских ханов только в 1532 году.

ца. Вражда с польско-литовскими Ягеллонами естественным образом подтолкнула Москву к диалогу с их противниками. Это были в том числе молдавский господарь Штефан III (первые контакты с ним осуществлены в апреле 1480 года); венгерский король Матвей I Корвин (1482); германский император Фридрих III (1486). Антиганзейские действия великого князя и подготовка к войне со Швецией способствовали заключению первого русско-датского союзного договора (1493). Василий III обменивался дипломатическими миссиями с магистром Тевтонского ордена Альбрехтом Гогенцоллерном, императором Максимилианом I, папой Львом X. Огромным успехом следует считать заключение военного союза с Тевтонским орденом, в 1519 году начавшим оплаченную русскими деньгами войну против Польского королевства, что не могло не ослабить поддержку Литвы, сражавшейся тогда с Великим княжеством Московским¹⁹.

Исследование основных проблем политического и в первую очередь военного развития Русской Державы на рубеже XV–XVI веков требует не только всестороннего изучения уровня организации его вооруженных сил, но и рассмотрения основных событий того времени, реальной оценки действий русских ратников в противоборстве с многочисленными врагами.

¹⁹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 72–73, 105; Филюшкин А.И. Василий Ш.М., 2010. С. 211–214.

Русское государство во второй половине XV – первой

трети XVI в.

Глава 1

Военное противоборство Москвы с казанским ханством во второй половине XV века. Русско-ливонская война 1480–1481 годов

В 60-х годах XV века общая обстановка на границах вынуждала московского государя форсировать силовое решение конфликта с Казанью, временами (в 1467–1469, 1477–1478, 1485, 1486 и 1487 годах) выливавшегося в настоящие русско-татарские войны.

Уже первый поход воевод Ивана III в какой-то степени задевал интересы Казанского ханства, ибо нацелен был на подвластных волжским татарам черемисов.

Вступив на престол 17 марта 1462 года, после смерти отца – Василия II, великий князь отправил своих воевод, Бориса Федоровича Кожанова и Бориса Матвеевича Слепого Тютчева, на Черемисскую землю и Великую Пермь. С ними двинулись устюжское, вологодское и галицкое ополчение. Автор Архангелогородского летописца указывает, что «шли воеводы мимо Устюг[а] к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь»²⁰. Результаты экспедиции остались неиз-

²⁰ ПСРЛ. Т. 37. С. 90.

вестными, но по реакции противника можно судить, что она удалась, так как «того же лета рать черемисская с тотары казаньскими (!) приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много русских голов». Но устюжане смогли настичь нападавших, побить их, «а полон назад отполонили»²¹. В более сжатом виде о походе Кожанова и Тютчева и ответном нападении черемисов на Верхоужье сообщается во второй редакции Устюжского летописца и Летописце Льва Вологодина. Единственным отличием их от Архангелогородского летописца является указание на боярский чин Бориса Кожанова²².

Поход 1462 года, как и другие операции первого периода правления Ивана III, был осуществлен еще в условиях старой, «устоявшейся военной системы» силами земского ополчения северорусских городов «с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя». Из сообщений летописцев совершенно ясно, что поход совершался по рекам, на кораблях. Пройдено оказалось в общем счете не менее 1000 верст²³.

²¹ Там же. С. 90.

²² Там же. С. 114–134. Еще более краткое сообщение о походе есть в летописном Списке Мацеевича. ПСРЛ. Т. 37. С. 46.

²³ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 17–21.

Начало полномасштабным войнам с Казанью было положено в 1467 году, во время очередного династического кризиса в этом татарском юрте. Русское правительство решило вмешаться во внутренние дела ханства, чтобы поддержать династические права на казанский престол Касима, одного из сыновей хана Улуг-Мухаммеда. За пять лет до этого, в 1452 году, он был изгнан своим старшим братом Махмудом (Махмутеком; в русских летописях – Мамутяком) и укрылся в русских владениях. Именно на выделенных Василием II беглому чингизиду землях на реке Оке возникло Касимовское ханство, находившееся в полной вассальной зависимости от Москвы. Центром этого анклава был Городец-Мещерский, вскоре (в 1474 году) переименованный в честь обосновавшегося в нем хана в Касимов. Новое удельное ханство на Оке стало местом поселения представителей знатных татарских родов, по тем или иным причинам покинувшим свои родные улусы. На протяжении XV–XVI веков касимовские «царевичи» и мурзы постоянно использовались московскими государями при осуществлении планов завоевания соседних татарских ханств, привлекались к участию в боевых действиях на западных и северо-западных рубежах.

С точки зрения Ивана III, удобный момент для вмешательства в казанские дела наступил в 1467 году, когда умер

правивший там старший сын Махмуда (Махмутека) бездетный хан Халиль и на престол взошел его младший брат Ибрагим (Обреим). Часть казанской знати во главе с князем Абдуллой-Муэмином (Авдул-Мамона), недовольная новым «царем», решила в противовес Ибрагиму поддержать права его дяди Касима²⁴ и пригласила изгнанника вернуться на родную землю и занять ханский трон. Осуществить это предприятие претендент мог только при военной поддержке великого князя Ивана III, которая и была ему оказана.

14 сентября 1467 года русское войско, выделенное в помощь Касиму, выступило в поход на Казань. Командовали ратью один из лучших воевод великого князя Иван Васильевич Стрига Оболенский и незадолго до этого перешедший на московскую службу тверской полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Сам Иван III находился с резервными войсками во Владимире, откуда, в случае неудачи похода, мог прикрыть значительную часть русско-казанской границы²⁵. Предчувствие не обмануло московского князя. На переправе в устье реки Свияги Касим и русские силы были встречены большим казанским войском и вынужденно остановились на правом берегу Волги. Воеводам оставалось ждать «судовую рать», двигавшуюся по рекам Клязьме, Оке

²⁴ После смерти Махмуда Касим по традиции женился на его вдове (матери Ибрагима). Как старший в роду, он имел все основания претендовать на ханский престол. – Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 32.

²⁵ ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 186; ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 148.

и Волге, но она так и не успела до морозов подойти на помощь войску Стриги Оболенского и Холмского. Попытка заманить на свой берег и захватить татарские речные корабли также не удалась. Поздней осенью 1467 года русские полки вынуждены были начать отступление к границе. Оно оказалось тяжелым – «истомен же бе путь им, поне же бо осень студена бе и дождева, а корму начат не оставати»²⁶.

В ожидании ответного нападения казанских отрядов Иван III приказал готовить к обороне пограничные города – Нижний Новгород, Муром, Галич и Кострому, разослав туда свои заставы. Действительно, зимой 1467/1468 года татары напали на хорошо укрепленный еще в период противоборства Василия II с Юрием Звенигородским и его детьми Галич. Однако большая часть своевременно извещенного местного населения, привычного к нападениям врагов, успела укрыться в городе. Галичане вместе с подоспевшей им на помощь лучшей частью московского войска – «двором великого князя» – под командованием князя Семена Романовича Ярославского не только отбили нападение, но и совершили ответный лыжный поход на черемисов (марийцев), земли которых входили в состав Казанского ханства. Русские полки в конце похода находились всего в дне пути от татарской столицы, «повоеваша всю ту землю». Вернулись они к празднику Крещения Господня – 6 января 1468 года²⁷.

²⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

²⁷ А.Г. Бахтин высказал предположение, что во время этого похода войско кн.

Боевые действия шли и на других участках русско-казанской границы. Муромцы и нижегородцы опустошали татарские порубежные селения на Волге, «а с Вологды ходиша тако ж, и устюжане и кичмежане и воеваша по камен по Вятке и много избиша и плениша»²⁸. В отместку за этот поход войной на устюжские места пришло татарское войско. В конце зимы 1467/1468 года оно достигло верховьев реки Юга и сожгло городок Кичменгу («с людьми огнем сожгли»)²⁹. Против них выступил Иван Стрига Оболенский, прогнал казанские отряды. Воевода преследовал врагов до реки Унжи, но догнать не смог и, разорив земли черемисов, их союзников, вернулся в Москву.

На Вербной неделе (4—10 апреля 1468 года) казанцы и черемисы разграбили две костромские волости, в мае выжгли окрестности Мурома, однако в последнем случае совершивший нападение татарский отряд был настигнут и уничтожен ратью князя Даниила Холмского.

В начале лета 1468 года выступившая из Нижнего Новгорода «застава» князя Федора Семеновича Хрипуна Ряполовского у Звеничева Бора, в 40 верстах от Казани, вступила в сражение с большим татарским войском, усиленным отборной ханской гвардией («двор царев, много добрых»). Мос-

С.Р. Ярославского могло достичь Малой Кокшаги и даже Илети. – Бахтин А.Г. XV–XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 58.

²⁸ ОР РГБ.Ф. 310. № 754. Л. 320 об. (318 об.).

²⁹ ПСРЛ. Т. 37. С. 46, 91, 114.

ковская «застава» смогла уничтожить почти все войско противника. В сражении погиб «богатырь и лиходея» Колупай, в плен попал князь Ходжум-Берде («Хозум-Бердей»). В это же время небольшой отряд воеводы Ивана Дмитриевича Руно (ок. 300 человек) через Вятскую землю совершил успешный рейд вглубь Казанского ханства.

Активность московских войск стала неприятным сюрпризом для казанцев, которые решили подчинить себе Вятский край, обезопасив северные границы. На первых порах им сопутствовал успех. Оккупировав земли вятчан, татары перерезали пути доставки сюда продовольствия. В самом крупном городе края Хлынове была поставлена татарская администрация. Показательно, что заключенный между победителями и местной знатью договор носил довольно мягкий характер. Самым тяжелым (и неприемлемым для Москвы) условием вятской капитуляции являлось соблюдение нейтралитета в шедшей тогда русско-казанской войне, принявшей все более ожесточенный характер. Однако после победы «заставы» у Звеничева Бора в ходе боевых действий наступила недолгая пауза³⁰.

Завершилась она весной 1469 года. Русское командование разработало и приняло к исполнению новый план предстоящей кампании, который предусматривал согласованные действия двух московских армий на сходящихся направлениях. На главном – нижегородском – вниз по Волге до Каза-

³⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 188; ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

ни должна была наступать рать воеводы Константина Александровича Беззубцева. Подготовка похода не скрывалась и носила демонстративный, отвлекающий характер. В составе великокняжеской рати на Казань послали даже московских купцов и посадских людей, которым выступить в поход было «пригоже по их силе».

Другое войско формировалось в Великом Устюге под стягом князя Данилы Васильевича Ярославского и включало в себя устюжские и вологодские отряды. В качестве младших воевод, по сути, сотенных командиров, в Устюг отправили 9 детей боярских из «двора» великого князя³¹. Выступив в поход, эта рать, насчитывавшая около 1000 воинов, должна была пройти по северным рекам почти 2 тыс. километров и выйти в верховья Камы. Затем уже Устюжскому войску надлежало спуститься по ее течению до устья и, находясь в глубоком тылу у татар, подняться на веслах вверх по Волге до Казани с юга как раз к тому дню, когда туда уже пришла бы рать Константина Беззубцева. Возлагаемые на этот рейд надежды оказались напрасными из-за того, что не удалось сохранить планы в тайне. Татарский наместник в Хлынове оперативно известил хана Ибрагима не только о подготовке рейда, но и о численности и боевых возможностях войска

³¹ Иван Гаврилович, Тимофей Михайлович Юрло (Плещеев), Глеб Семенович и Василий Семенович Филимоновы, Федор Борисович Брюхо (Морозов), Салтык Травин (в будущем известный русский военачальник Иван Иванович Салтык Травин), Никита Константинов, Григорий Префушков и Андрей Бурдуков. – ПСРЛ. Т. 8. С. 155.

Данилы Васильевича Ярославского, о времени выступления князя в поход.

Однако главная причина неудачи предпринятого в 1469 году наступления на Казань заключалась в отсутствии у русского командования навыков стратегического планирования операций на нескольких театрах военных действий и их технического исполнения. По-видимому, не существовало тогда и специальной службы, ведавшей оперативной подготовкой движения войск по сходящимся направлениям.

Общий план кампании очень скоро подвергся ревизии. Из-за затянувшихся переговоров с ханом Ибрагимом воеводе Беззубцеву, находившемуся с войском в Нижнем Новгороде, было предписано отправить в поход к Казани лишь часть своих полков, укомплектовав их исключительно добровольцами. Таким образом всей операции придавался характер набега «охочих людей», якобы вышедших из-под воли великого князя. Однако расчеты московских стратегов не учитывали настроения собравшихся в Нижнем Новгороде воинов. Получив приказ великого князя, в поход выступила вся рать, избравшая новым воеводой Ивана Дмитриевича Руно. Константин Беззубцев, согласно повелению Ивана III, остался в Нижнем Новгороде.

На рассвете 21 мая русские корабли подошли к Казани. Татары, застигнутые врасплох, не смогли отстоять посады и отступили за крепостные стены. Пригороды оказались выжжены московскими воинами. После этого успеха, опасаясь

ьясь ответного нападения собиравшегося у Казани неприятельского войска, русская рать в полном порядке отступила вверх по Волге, став лагерем на Коровничем острове. По-видимому, Руно хотел дожидаться подхода Устюжского отряда, возможно, и вятчан, которым был послан призыв великого князя помочь его полкам под Казанью. Но договор о нейтралитете с Казанью и реальная угроза прекращения доставки хлеба в их край вынудили жителей Вятки остаться в стороне от шедшей на Волге войны. Более того, как отмечалось выше, татары от своих наместников в Хлынове были подробно проинформированы о походе войска князя Данилы Васильевича Ярославского. Поэтому, не дожидаясь соединения русских отрядов, противник решился напасть на Коровничий остров. Но неожиданного удара не получилось. Бежавший из Казани русский пленник предупредил воевод о готовящейся атаке. Ее отбили, но Руно, опасавшийся новых нападений, перенес лагерь в более безопасное место – на Ирыхов остров. Однако имевшиеся у воеводы запасы продовольствия подошли к концу. Прибывший к войску из Нижнего Новгорода и принявший командование Константин Беззубцев стал отводить полки к своей границе.

Узнав о начавшемся отходе русской рати, хан Ибрагим послал в погоню речную флотилию и большое конное войско. 23 июля 1469 года (дата битвы установлена Н.С. Борисовым) произошло самое крупное сражение похода. Два войска опять встретились у Звеничева Бора, но на этот раз про-

тивники бились не на земле, а на волжских волнах. Неоднократно русские насады и ушкуи обращали казанские корабли в бегство, но каждый раз татарские речные корабли, прикрывавшиеся конными стрелками с левого берега реки, быстро перестраивались и возобновляли нападения. Исход битвы остался неопределенным, но русскому войску удалось выйти из боя и без больших потерь вернуться в Нижний Новгород³².

Менее удачно завершился поход Устюжского войска князя Данилы Васильевича Ярославского. К середине июля его насады еще были на Каме. В устье этой реки татары преградили русской флотилии дальнейший путь, поставив поперек Волги свои связанные корабли. Произошел настоящий абортдажный бой, в ходе которого русское войско потеряло 430 человек, то есть почти половину от первоначального числа. Среди павших был сам Данила Ярославский, погиб второй воевода Никита Бровцын, в плену оказался Тимофей Плещеев «со многими товарищы». Остатки русского войска, которое теперь вел князь Василий Ухтомский, «скрозь рать татарскую пробилишася, и татар тмочисленно избиша и потопиша»³³ и ушли вверх по Волге, мимо Казани, к Нижнему Новгороду.

На этот раз пауза в военных действиях была непродолжительной – длилась она не более трех недель. В августе 1469

³² ПСРЛ. Т. 25. С. 283; Борисов Н.С. Иван Ш.М., 2000. С. 400–401.

³³ ПСРЛ. Т. 37. С. 107.

года Иван III принял решение двинуть на Казань не только остатки Нижегородской и Устюжской ратей, но и резервные войска, поставив во главе армии своего брата, князя Юрия Васильевича Дмитровского. В составе этого войска находились отряды и другого брата великого князя – Андрея Васильевича Угличского. 1 сентября русские полки оказались уже у стен Казани. Попытка казанцев контратаковать была отбита, и город удалось окружить. Вскоре русские воины смогли перекрыть осажденным доступ к воде. Устрашенный силой Москвы, хан Ибрагим, «видя себя в велице беде и начать посылати к князю Юрию, и добиша челом на всей воли великого князя». Главным пунктом заключенного соглашения стало согласие казанского «царя» выдать «полон за 40 лет» – почти всех находившихся тогда в Казанском ханстве русских рабов³⁴.

Военные действия возобновились лишь через 8 лет, осенью 1477 года. Нарушить мир хана Ибрагима побудило полученное им ложное сообщение о разгроме войска Ивана III во время похода на Новгород. На этот раз яблоком раздора стала Вятская земля, в которой, пользуясь московско-новгородской войной, вновь решились утвердиться татары. По лаконичной летописной записи: «Тоя же зимы казанской царь повоевал Вятку, преступив роту и грады даша за него. А посек и полону поимал много». Войско Ибрагима пыталось пробиться и к Устюгу, но неудачно – «Молома река была вода-

³⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 158; Борисов Н.С. Указ. соч. С. 404.

на, нелзе идти; и он шед един день, да воротился». Ответные нападения русских, прежде всего состоявшийся летом 1478 года поход на Казань судовой рати под командованием князя Семена Ивановича Хрипуна Ряполовского и Василия Федоровича Образца Симского, вынудили хана возобновить мирное соглашение 1469 года³⁵.

После смерти в 1479 году хана Ибрагима его преемником стал старший сын Али (в русских источниках – «Алигам»). Сводный брат и соперник нового хана, 10-летний Мухаммед-Эмин («Магмет-Аминь»), ставленник вполне сформировавшейся тогда в Казани партии сторонников Москвы, был переправлен на Русь. С этого момента он превратился в ключевую фигуру восточной политики Ивана III. Наличие в Москве собственного претендента на ханский трон стало сильным сдерживающим фактором, сыгравшим важную роль в эпоху, когда шла борьба Руси с Большой Ордой за возвращение государственного суверенитета. Опасаясь ответных действий Москвы, казанский «царь» предпочел остаться в стороне от этого конфликта. Русское правительство также вело в отношении Казани сдержанную политику, стараясь избежать возможного нападения с этой стороны. Победа на Угре не вызвала немедленного ухудшения русско-казанских отношений – осложнение обстановки на границах с Ливо-

³⁵ Русский временник, сиречь Летописец, содержащий Российскую историю от 6370 – 862 до 7189–1681 лета, разделенный на две части. Ч. 2., М. 1820. С. 142–143; ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 148.

нией давно уже вынудило московского великого князя перебросить свои лучшие войска на северо-западный рубеж.

* * *

Первая пограничная война на псковско-ливонском пограничье началась еще летом 1462 года. Псковичи поставили на южном берегу Чудского озера, на «обидном» (спорном) месте, крепость Новый городок. Позднее это укрепление получило название Кобылий городок. Ответный удар последовал лишь весной 1463 года. 21 марта орденские рыцари, придя «в силе тяжкой», осадили эту крепостицу и подвергли обстрелу из пушек. Город оборонял брянский князь Иван Иванович, который сумел удержать его и известить псковичей. Осаду с Нового городка удалось снять: не принимая боя, ливонцы «отбегоша от городка, и запась свои пометаша». Но затем эти или другие немецкие отряды стали опустошать псковские волости, разрушая «исады», рыболовные запруды на озере – важный источник дохода псковичей. Были разорены большие исады Островцы и Подолешие, а затем – пограничное селение Колпиное. О нападении на него псковским воеводам, ведущим рать к атакованным немцами исадам, сообщил «доброхот из зарубежья чудин». Благодаря своевременному сообщению, разорявшие Колпиное ливонцы были застигнуты врасплох. В произошедшем 31 марта на месте сожженного селения сражении немцев разбила подоспевшая

псковская рать, но нападения продолжались, грозя перерасти в полномасштабную войну со всей Ливонской конфедерацией³⁶.

Следует особо подчеркнуть, что в столь трудное время новгородцы отказались помочь псковичам. Этой фатальной для Новгорода ошибкой, лишившей его в будущем поддержки «младшего брата», сразу же воспользовался Иван III. Он направил на помощь псковичам свое войско под командованием князя Федора Юрьевича Шуйского. 8 июля 1463 года, «на память святого великомученика Прокофья», московская рать вступила в город. Вместе с присоединившимися к нему местными ополченскими полками Шуйский осадил немецкий Нейгаузен. При осаде крепости, продолжавшейся «четыре дни и 4 ночи», впервые на этом участке границы были использованы пушки. Но неудачно – «и пустиша псковичи болшею пушкою на городок, и колода вся изломася, и железо около разорвашася, а пушича вся цела»³⁷. Тогда же русская судовая рать выжгла половину ливонской волости Кержель³⁸, вернувшись назад «со многим полоном». Прибытие великокняжеского войска и его активные действия на рубеже вынудили власти Немецкого ордена начать переговоры о

³⁶ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М. 2000. С. 151–153.

³⁷ Там же. С. 154.

³⁸ Кержели, по предположению Н.А Казаковой – область Кервель на р. Воо, притоке Эмбаха, недалеко от Дерпта (Юрьева). – Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XV в. Л., 1975. С. 134.

мире. В итоге было заключено 9-летнее Наровское перемирие между Псковом и Ливонской конфедерацией. В подписанном договоре содержалось упоминание о юрьевской пошлине (дани), которую полагалось «великому князю давати по старине»³⁹. 1 сентября 1463 года московское войско во главе с князем Шуйским покинуло Псков и двинулось обратно в Москву.

Столкновения на рубеже возобновились через 6 лет, в марте 1469 года, когда произошло нападение немцев на псковскую волость Синее озеро. Эпизодически порубежные стычки возникали и впоследствии. В 1480 году обстановка резко обострилась: началась Вторая пограничная война между Ливонской конфедерацией и Псковом. 1 января большой орденский отряд напал на Вышегородок. Пользуясь внезапностью атаки, ливонцы захватили эту крепость, а 20 января осадили псковский «пригород» Гдов, который подвергли сильной бомбардировке. Но овладеть им не смогли и отступили, ограничившись сожжением посада и опустошением всей округи. Вновь псковичи обратились за помощью к Москве.

Невзирая на сложное положение, складывавшееся на южных рубежах государства, Иван III послал против ливонцев

³⁹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 155–156. 13 января 1474 г. был заключен новый псково-ливонский договор, после которого началась реальная выплата «юрьевской дани». – Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Далее ГВНП). М., Л. 1949. № 78. С. 133–136; Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 388.

полки под командованием воеводы Андрея Никитича Ногтя Оболенского. 11 февраля 1480 года московская рать, соединившись с псковичами, направилась в Ливонию. Русские овладели одним из орденских замков и разорили окрестности Дерпта, а 20 февраля возвратились в Псков «с множеством полона» и «с многим добытком». Но вскоре после отхода московской рати немецкие нападения на псковские земли возобновились. Весной 1480 года ливонское войско под командованием магистра Бернгардта (Бердта) фон дер Борха осадило Изборск. Только узнав о выступлении в поход большой псковской рати, немцы отступили. Столкновения на границе продолжались. В начале августа 1480 года рыцарям удалось захватить давно уже раздражавший их Кобылий городок, где погибло около 4 тыс. жителей. 18 августа орденская армия, численность которой, по явно завышенному описанию Б. Рюссова, достигала 100 тыс. человек, вновь подошла к Изборску. Осада продолжалась два дня. Не сумев разрушить городские укрепления, немцы двинулись дальше. 20 августа ливонская армия подошла к Пскову. Несмотря на то, что магистр фон Борх смог выдвинуть «против русских силу, какой прежде него никто не собирал», осада Пскова также закончилась неудачей. В бомбардировке города принимали участие ливонские корабли – 13 шнеков, с которых противник пытался высадить десант в Запсковье, «между святого Лазаря и святого Спаса». Внезапной атакой псковичам удалось разбить высадившийся с кораблей отряд

и захватить один шнек. Другие шнеки немцы «пометавше» сами во время начавшегося отступления. Снять осаду и отвести свою армию обратно магистра фон Борха вынудили не только неудачные действия его войск под Изборском и Псковом, но полученные сведения о поражении Ахмед-хана. Именно в это время повелитель Большой Орды был разбит в сражении на бродах (8—11 октября 1480 года) при попытке прорваться на Русь через укрепленное порубежье Угры и Оки⁴⁰.

Ответный удар по Ливонской конфедерации Москва нанесла только в феврале 1481 года. Против немцев было послано 20-тысячное войско под командованием князей Я.В. Оболенского и И.В. Булгака Плещеева (старшего брата впоследствии знаменитого московского полководца Д.В. Щени), а также новгородская рать во главе с наместниками, князем В.Ф. Шуйским и И.З. Станищевым.

В походе 1481 года в Прибалтику участвовал и псковский полк под командованием князя-наместника В.В. Бледного Шуйского. Русские полки перешли ливонскую границу и начали наступление на трех направлениях (к реке Эмбах и озе-

⁴⁰ О далеко не случайном совпадении дат двух нападений писал К.В. Базилевич, указывавший при этом, что «мы не располагаем прямыми свидетельствами о существовании соглашения между магистром и Ахмед-ханом». Все же исследователь полагал, что «в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы, находившейся под угрозой двойного нападения, и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами для покорения Пскова». – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 133.

ру Вирц и далее, к городу Тарвасту, на Каркус и на Феллин). Впервые в зимнем походе московской рати участвовала артиллерия. Наличие у русских большого «наряда» не замедлило сказаться. Поход продолжался всего месяц, но за это время были захвачены крупные города Каркус и Тарваст, а 1 марта началась осада замка Феллин (русское название – Вельяда), ставшего с 1471 года резиденцией магистра Ливонского ордена. Фон Борх за день до подхода русских к своей резиденции бежал из Феллина в Ригу. На протяжении 50 верст его преследовала новгородская рать князя В.Ф. Шуйского. Захватив брошенную магистром часть «коша» (обоза), полк вернулся к главным силам, осадившим Феллин. В результате артиллерийского обстрела была разрушена наружная крепостная стена (охабень), захвачен и сожжен посад. Не дожидаясь штурма замка, жители Вельяда согласились на выплату великокняжеским воеводам большого выкупа (2 тыс. рублей). В знак победы псковичи увезли с собой восемь «колоколов вельядских». В Псковской 2 летописи (Синодальный список) был отмечен фактор неожиданности русского нападения: «А Немецкая вся земля тогда бяше не в опасе, без страха и без боязни погании живяху, пива мнози варяху, ни чаяху на себе таковыя пагубы, богу тако изволившю. И бывше 4 недели в Немецкой земли, възратишася ко Пскову съ многою корыстью ведуще с собою множество полна ово мужи и жены и девици и малыя дети и кони и скоты, и поможе богъ въ всяком месте воеводам князя великого и псковичи».

чем».

Ливонские власти, испуганные возросшей военной мощью Московского государства, поспешили начать мирные переговоры, завершившиеся 1 сентября 1481 года подписанием в Новгороде 10-летнего перемирия. Условия его были зафиксированы в двух соглашениях, в первом случае скрепленных представителями дерптского епископа и Пскова, во втором – Ордена и Великого Новгорода. Обе стороны, договорившись сохранить старую границу («А земли и воде Великому Новугороду с князем мистром старьи рубеж – Щуцкого (Чудского – *В.В.*) озера стержем Наровы реки в Солоное море»), несколько изменили условия реализации русских товаров в Нарве (Ругодив) и других городах Ливонии⁴¹.

Укрепив свою власть в Новгородской земле и отразив агрессию ливонцев против Пскова, великий князь вновь обратил внимание на восток. Он принял решение завоевать для жившего в Москве татарского царевича Мухаммед-Эмина Казанское ханство. В 1482 году Иван III начал готовить большой поход на Волгу, однако тогда дальше демонстрации московской силы дело не пошло. Устрашенные возможностью сокрушительного вторжения татары поспешили заключить с русским государем мир, по-видимому, на весьма

⁴¹ Сохранился лишь русский текст договора между Новгородом и Ливонской конфедерацией. – Акты Западной России (Далее АЗР). СПб., 1846. Т. 1. № 75. С. 95–97 (Новую публикацию этого документа см.: LM. Кн. 5 (1427–1506) № 1119.1. P. 212–214).

выгодных для него условиях⁴². Несостоявшийся поход интересен несколькими подробностями своей подготовки. Во-первых, как и 1469 году, вторжение планировалось не только с запада – на Волжском направлении, но и с севера – на Устюжско-Вятском, куда с полками отправились воеводы Василий Федорович Сабуров, Василий Федорович Образец Симский и князь Семен Иванович Хрипун Ряполовский. Во-вторых, для участия в походе в Нижнем Новгороде сосредоточили артиллерию, в том числе и осадную, при которой находился Аристотель Фиораванти. И, наконец, была создана и действовала единая система управления войсками. Об этом свидетельствует сохранившийся фрагмент наказа, посланного стоявшим в Нижнем Новгороде воеводам – Ивану Васильевичу Булгаку, Семену Ивановичу Молодому Ряполовскому и Ивану Юрьевичу Шаховскому. Он содержал указание (по определению Ю.Г. Алексеева, «директиву главного командования») действовать против противника в «лехких судах», видимо, для устрашения его⁴³.

Мирные отношения с Казанью вполне устраивали Ивана III, но когда в 1485 году недовольные Али-ханом казанцы выступили против него, великий князь поспешил использовать эту ситуацию и все-таки добиться провозглашения новым «царем» своего ставленника Мухаммед-Эмина. К Каза-

⁴² ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910. Ч. 1. С. 349.

⁴³ РК 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1 С. 25; РК 1475–1598 гг. М., 1966. С. 19–20; Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 142–143.

ни было отправлено русское войско под командованием князя Василия Ивановича Шихи Оболенского и Юрия Захарьича Кошкина. Задачу успешно выполнили, и казанским «царем» стал 17-летний Мухаммед-Эмин, почти всю сознательную жизнь проживший в Москве и вполне готовый признать верховную власть русского государя. Однако его подданные не желали этого. Особое возмущение вызвало согласие нового хана выдать врагов Москвы присланным от великого князя воеводам – Василию Ивановичу Оболенскому, Василию Семеновичу Тулупу Стародубскому и Тимофею Прозоровскому. Узнав об этом, «князи казанские воле ему не дали, хотели Магмедина самого убить»⁴⁴. Зимой 1485/1486 года Мухаммед-Эмину и его младшему брату Абдул-Латифу пришлось бежать к великокняжеским воеводам и под их защитой отступить на русскую территорию. Иван III радушно принял изгнанников. Мухаммед-Эмин получил город Каширу, щедрые пожалования выделили его брату и другим знатым изгнанникам.

Воспользовавшись бегством Мухаммед-Эмина, на казанский престол при поддержке ногайцев вернулся Али-хан. Сохранилось сообщение о его намерении расправиться со своими недругами (без сомнения, теми князьями и мурзами, которые передали престол Мухаммед-Эмину), но им также

⁴⁴ Соловьев С.М. Соч. Кн. 3. М., 1989. С. 347 прим 99 (118). Сообщая о планах Мухаммед-Эмина выдать врагов Москвы русским воеводам, историк ссылается на одну из разрядных книг, хранившуюся в МАМЮ (№ 1. С. 26). К сожалению, указанная рукопись позднее в архиве была утрачена.

удалось уйти в русские пределы.

Весной 1486 года московские полки сумели вернуть Мухаммед-Эмина на казанский престол, но после их ухода сторонники Али-хана вновь взяли верх и вынудили московского ставленника бежать на Русь.

Поддержка, оказанная Иваном III сопернику Али-хана, несомненно, испортила и без того сложные русско-казанские отношения. Косвенным подтверждением тому является начавшееся укрепление городов, которые могли подвергнуться татарскому нападению⁴⁵. Новая война была неизбежна, и великий князь, учитывая опыт прошлых неудач, решил добиваться политического подчинения Казанского ханства. Лишенный престола, но сохранивший титул «царя» Мухаммед-Эмин вынужденно дал Ивану III вассальную присягу и назвал его своим «отцом»⁴⁶.

В Москве начались масштабные приготовления, так как реализовать далеко идущие замыслы великого князя о подчинении Казани было невозможно без окончательной победы над Али-ханом и воцарения на казанском престоле Мухаммед-Эмина. 11 апреля 1487 года в решающий поход на Среднюю Волгу выступило войско, которое вели лучшие воеводы государя – князя Данила Дмитриевич Холмский,

⁴⁵ Одним из таких городов был Владимир, в котором именно тогда дьяком Василием Мамыревым строится новая деревянная крепость. – ПСРЛ. Т. 8. С. 217, ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 218.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 37. С. 50.

Иван Андреевич Дорогобужский, Семен Иванович Хрипун Ряполовский, Андрей Васильевич Оболенский и Семен Романович Ярославский. 24 апреля вслед к выступившему на Казань войску выехал и «царь» Мухаммед-Эмин⁴⁷.

Татары попробовали остановить продвижение московской рати, но были разбиты в сражении близ устья реки Сви-яги и отступили к Казани. 18 мая 1487 года началась осада города. Казань окружили валом и частоколом (острогом). Отряд князя Али-Газы (Алгазы), пытавшийся препятствовать осадным работам русских, был разбит и отогнан за Каму⁴⁸. Осада продолжалась три недели, по истечении которых, 9 июля 1487 года, Казань сдалась. Русское войско вступило в город. Али-хан, его жены, мать – царица Фатима, братья Мелик-Тагир и Худай-Кул, а также сестра, царевна Ковгар-Шад, были уведены в плен. Свергнутого хана вместе с женами заточили в Вологде, его близких – на Белоозере, в

⁴⁷ РК. 1475–1598. С. 20–21. ОР РГБ.Ф. 92. № 2. Л. 121 об.; ПСРЛ. Т. 8. С. 217; ПСРЛ. Т. 26. С. 278.

⁴⁸ Н.С. Борисов полагает, что «острогом» русские воеводы окружили не Казань, а свой лагерь, защищаясь от нападений воинов Алгазы, который «блуждал с отрядом в окрестностях Казани и внезапно напал на ратников великого князя». – Борисов Н.С. Указ. соч. С. 410. При этом он ссылается на следующее сообщение Архангелогородского летописца: «А воеводы город Казань обьсели и острог около города доспели». – ПСРЛ. Т. 37. С. 96. Однако автору следовало сопоставить эту запись с уточняющим ее сообщением Устюжской летописи (Список Мациевича): «А воеводы город Казань обсели и острог около города обвели». – ПСРЛ. Т. 37. С. 50. Тогда ему стало бы ясно, что «острогом» была обведена именно татарская крепость, что, конечно, не исключает возможности возведения укреплений и возле русского стана.

пригородной слободе Карголом, другие знатные татары оказались «розсажены по посельским» (великокняжеским селам). Репрессии не ограничились выводом самых опасных противников Москвы. В Типографской, Воскресенской летописях и Третьем кратком Волоколамском летописце содержатся сведения о казни «коромолных князей и уланов» и «иных коромолников»⁴⁹.

Пленные татары, согласившиеся дать «роту» (присягу), что «им государю хотеть великому князю добра», были отпущены обратно в Казань, где прочно воцарился Мухаммед-Эмин, а московским наместником при нем стал Данила Васильевич Шеин.

Победа, одержанная Москвой над Казанью, имела огромное значение. Окончательно покорить татарское государство в 1487 году не удалось, но на долгие годы оно попало в тесную зависимость от русской политики. Впрочем, московское правительство не выдвигало тогда к Казани особенных территориальных и политических требований, ограничившись полученными от нового казанского «царя» обязательствами не воевать против Русской Державы, не выбирать нового хана без согласия великого князя, а также гарантиями обеспечения безопасности русской торговли. Мухаммед-Эмин пользовался полным доверием и поддержкой русского правительства вплоть до кризиса 1495–1496 годов, когда Казань была захвачена войсками сибирского царевича, шейбанида

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 205; ПСРЛ. Т. 8. С. 217; ОР РГБ.Ф. 92. № 2. Л. 122–122 об.

Мамука. Свергнутый казанский «царь» укрылся на Руси, где получил в кормление Каширу, Серпухов и Хотунь. Командуя великокняжескими войсками, он принимал участие в войне с Литвой 1500–1503 годов.

Новым ханом после отступления Мамука, в 1496 году, был провозглашен младший брат Мухаммед-Эмина, Абдул-Латиф. В отличие от старшего брата, он воспитывался не при московском дворе, а в Крыму. Укрепившись на престоле, Абдул-Латиф решил разорвать мир с Москвой, но в 1502 году был выдан русскому послу, князю Василию Ивановичу Ноздроватому Звенигородскому, а затем сослан на Белоозеро. В Казань вернулся «московский татарин» Мухаммед-Эмин, поначалу соблюдавший верность Москве, но затем под нажимом князей и уланов занявший более независимую позицию и восстановивший полный суверенитет своего государства. Изменение характера русско-татарских отношений произошло накануне смерти Ивана III (27 октября 1505 года). Воспользовавшись близостью кончины великого князя, Мухаммед-Эмин отказался возобновить договорные отношения, существовавшие между ним и Москвою. Позже, уже после смерти Ивана III, «царь» использовал в качестве объяснения своих враждебных действий «роту», которую он дал свергнутому Дмитрию-внуку, находившемуся в заточении у нового русского государя, Василия III. В своем ответе на присланное из Москвы требование о новой присяге казанский хан сообщал: «Яз есми целовал роту за великого кня-

зя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дня живота нашего, и не хочу быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь Василей изменил братаничю своему великому князю Дмитрею, поимал его через крестное целованье, а яз, Магмед Аминь казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хощу»⁵⁰.

Разрыв союзнических отношений омрачил русский погром, произошедший за несколько месяцев до кончины Ивана III. 24 июня 1505 года оказались перебиты и пленены находившиеся в Казани московские купцы и их люди (всего, по сообщению Ермолинской летописи, погибло «болши 15 тысящ, из многих городов»), арестованы великокняжеские послы – сокольничий Михаил Степанович Кляпик Еропкин и Иван Брюхо Верещагин⁵¹. Тогда же был разбит московский отряд численностью в 10 тыс. воинов – об этой победе год спустя хан Мухаммед-Эмин вспоминал в направленном в Литву послании. Воодушевленные успехом татарские и союзные им ногайские отряды, общей численностью до 60 тысяч человек, впервые после многих мирных лет напали на нижегородские волости. 30 августа 1505 года вражеские войска перешли пограничную реку Суру, а в сентябре не только

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 134.

⁵¹ ОР РГБ.Ф. 92. «2. Л. 129; ПСРЛ. Т. 8. С. 244–245; ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 197; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8. РК 1475–1598. С. 35.

осадили Нижний Новгород, но и сожгли его посад⁵². Сам город, в котором почти не было служилых людей, устоял лишь благодаря заслугам 300 литовских пленников, присланных после Ведрошской победы и выпущенных воеводой Иваном Хабаром Симским с условием помочь русским ратникам отстоять город.

Русское правительство предприняло попытку вернуть Казанское ханство под свою власть и в апреле 1506 года направило на Волгу большое карательное войско – «воевод множество и воинство бесчислено». Командовал им младший брат Василия III, удельный князь Дмитрий Иванович Углицкий («Жилка»). В походе принимали участие войска и другого удельного князя – Федора Борисовича Волоцкого, а также часть великокняжеской рати под командованием князя Федора Ивановича Бельского. Большая часть войска шла к Казани на кораблях, по берегу двигался лишь конный полк князя Александра Владимировича Ростовского. Русское командование попыталось также блокировать «перевоз» на Каме, направив туда войско князя Семена Федоровича Курбского⁵³. 22 мая 1506 года судовая рать подошла к татарской столице и вступила в бой с противником. Атакованная с тыла казанской конницей («заехаша от судов на конех»), она по-

⁵² Московские власти были заранее извещены о готовящемся нападении казанского и ногайского войска и успели поставить заставу в Муроме, но предотвратить поход к Нижнему Новгороду не смогли. – РК 1475–1598 гг. С. 35.

⁵³ РК 1475–1598. С. 36.

терпела поражение и была разбита у Поганого озера⁵⁴. Потеряв множество воинов убитыми и пленными, полки Дмитрия Жилки отступили к своему укрепленному лагерю и укрылись там⁵⁵. В числе пленных был и третий воевода Большого полка, Данила Васильевич Шеин, через месяц, накануне второго сражения русских и татарских войск, казненный казанцами⁵⁶.

Получив известие о неудачном сражении, Василий III срочно направил из Мурома к Казани новое войско под командованием князя Василия Даниловича Холмского, приказав брату не начинать активных действий до прибытия этой рати. Тем не менее, 22 июня 1506 года, после прихода конницы князя А.В. Ростовского, русское войско, «не дожидаясь князя Василья Даниловича и иных воевод, не по великого князя приказу», стало готовиться к сражению. Оно произошло через три дня, 25 июня. Московское войско снова было разбито казанцами и, потеряв все пушки, отступило. Князь Дмитрий Иванович с полками судовой рати на кораблях ушел к Нижнему Новгороду. Другая часть армии под ко-

⁵⁴ В одной из летописей сохранилось упоминание о том, что первая схватка под Казанью закончилась победой русского войска, и только на третий день осады «таторовя вышедшее много русских людей побиша». – ОР РГБ.Ф. 310. № 754. Л. 345 (343).

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 298; ПСРЛ. Т. 34. С. 9.

⁵⁶ Д.В. Шеин был первым русским наместником в Казани после ее взятия в 1487 году, возможно, в этом кроется причина его трагической гибели. Второе сражение под Казанью произошло 25 июня 1506 года.

мандованием касимовского «царевича» Джаная и воеводы Федора Михайловича Киселева ушла степью на Муром. В 40 верстах от русской, на реке Суре, отряд Джаная и Киселева был настигнут татарами, но сумел отбиться и ушел на свою сторону, уводя с собой пленных татар⁵⁷.

Оценивая результаты этой войны, А.А. Зимин полагал, что произведенное ею на Василия III впечатление привело к росту недоверия князя к полководческим талантам своих братьев. Якобы после Казани великий князь более не давал им руководить большими походами. Но известно, по крайней мере, одно исключение – в 1514 году Дмитрий Жилка стоял с войсками в Серпухове, прикрывая границу и фланг шедшей на Смоленск главной русской армии от внезапного нападения крымских татар⁵⁸.

Продолжение конфронтации с Москвой не устраивало Мухаммед-Эмина, хотя первоначально, вдохновленный успехом, он попытался заключить антирусский союз с Крымом и Литвой и направил послов в Кырк-Ер и Вильну. Дошедшее до нас послание казанского хана королю польскому и великому князю литовскому Александру Казимировичу с сообщением о победе под Казанью настолько воодушевило адресата, что тот решил вступить в союз с Казанью и Крымом и начать подготовку новой войны с Москвой. Помимо прочего, Мухаммед-Эмин писал, что после того, как покой-

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 26. С. 298.

⁵⁸ РК 1475–1598. С. 54–55.

ный уже Иван III послал войско на Казань, «мы тое все войско з Божю помочю побили, десять тысяч его в наших руках померли, и сего году в головах сын его князь Василей послал брата своего князя Дмитрия водою, а с ним пятьдесят тисечи люду, а другого брата сухом посылал, а с ним шестьдесят тисечеи конного люду нас воевати присылал. И Бог нам помог. Которое войско к нам водою пришло, тех есмо побили и после того шестьдесят тысяч конное рати з братом его притягнуло и мы есмо против вышодчи били ся и побили шестьдесят тисечеи, кголовных князеи и бояр его поймавши, саблею своею карали есмо. И тот брат его, на котором кони приехал, не мог на том кони назад втечи, в чолну втек»⁵⁹. Литовская сторона направила в Казань своего посла – Сороку, но к этому времени ситуация в отношениях между Василием III и Мухаммед-Эмином изменилась в лучшую сторону.

Хан, на словах стремившийся к восстановлению полной независимости своего государства, но не понаслышке знавший о силах Руси, сразу же забыл о воинственных намерениях, едва узнал о желании Москвы нормализовать взаимодействие с Казанью. Были начаты мирные переговоры о заключении равноправного договора и восстановлении добрососедских отношений. Несмотря на пришедшие из Литвы призывы продолжить войну с Москвой, Мухаммед-Эмин вел переговоры с представителями Василия III, освободив русско-

⁵⁹ LM. Kn. 8. № 16. P. 56.

го посла М.С. Кляпика Еропкина и всех пленных⁶⁰. В марте следующего 1507 года мир между Русской Державой и Казанским ханством был возобновлен и поддерживался вплоть до апреля 1521 года. Впрочем, отныне русское правительство стало более настороженно относиться к восточному соседу, укрепив пограничные города. Так, с осадой Нижнего Новгорода в сентябре 1505 года связана последующая постройка в городе в 1508–1510 годах каменной крепости. Возводил ее с учетом новейших фортификационных достижений XVI века итальянский мастер Петр Фрязин.

Несмотря на перечисленные эксцессы, время от времени омрачавшие русско-казанские отношения, в целом они развивались в мирном русле, что позволило Ивану III после победоносного похода 1487 года сосредоточить усилия на решении других внешнеполитических задач, прежде всего – возвращении западнорусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского.

⁶⁰ ЛМ. Кн. 8. № 23. Р. 58–59. Второй посол, Иван Брюхо Верещагин, умер в плену. – ПСРЛ. Т. 34. С. 8.

Глава 2

Новгородские походы Ивана III

В ходе инкорпорации русских земель в состав Великого княжества Московского для его государей стала очевидной необходимость полного подчинения богатой и обширной Новгородской земли. Но возможность осуществить эту миссию появилась только в правление Ивана III. Впрочем, и он сумел покорить Новгород лишь военным путем. Иного, мирного, решения на тот момент не существовало, учитывая наличие там сильной пролитовской партии. Издавна историков чрезвычайно интересовало, как и при каких обстоятельствах московский властитель смог добиться этой победы и превратить свое государство в могучую, доминирующую на востоке Европы державу. О присоединении Новгородской земли к Великому княжеству Московскому писали все крупные исследователи Русского Средневековья (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др.⁶¹). Однако вплоть до публикации в 1949 году «Грамот Великого Новгорода и Пскова»⁶² специалисты изучали в ос-

⁶¹ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 6. М.Л., 1966; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1819; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. Ш.М., 1989; Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Курс русской истории. Т.Н.М. 1988. (Лекции XXIII–XXIV).

⁶² Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.

новном летописные сведения. Изданный актовъй материал, прежде всего новгородско-литовские докончания, позволил по-новому осветить происходившие тогда события. Это использовали в своих сочинениях В.Н. Бернацкий, его ученица И.В. Лепко, Ю.Г. Алексеев, Н.С. Борисов⁶³. Еще одним источником информации о последних новгородских походах Ивана III стали разрядные книги, публикацию которых начал в 1966 году В.И. Буганов⁶⁴. Однако более пристальное знакомство даже с текстами летописей позволяет обнаружить новые факты и иначе трактовать известные.

Приступая к рассмотрению хода разразившейся в 1471 году московско-новгородской войны, стоит разобраться, действительно ли длительный конфликт с градом Святой Софии оказался связан с осознанием Иваном III ограниченности внутренних ресурсов Московского княжества, недостаточных для противоборства с наследниками Золотой Орды (такое предположение было выдвинуто в свое время Н.С.

⁶³ Бернацкий В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М., Л., 1961; Лепко И.В. Поход Ивана III «миром» в 1476 г. // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1948. Т. 78; Алексеев Ю.Г. Поход «миром» и городищенское стояние 1475–1476 гг. Новгородский ист. сб-к. Вып 4 (14). СПб., Новгород, 1993; Алексеев Ю.Г. Военная история допетровской России. СПб., 2018; Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005; Алексеев Ю.Г. Поход 1477 г. // Исследования по русской истории и культуре: сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006; Борисов Н.С. Иван III. М., 2000

⁶⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. См. также опубликованную позже Разрядную книгу 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1–2.

Борисовым⁶⁵). Думается, истоки неприятия великим князем новгородской независимости лежат гораздо глубже и объясняются целым комплексом причин, среди которых, конечно, есть и указанная. Но она была далеко не главной. Новгород давно уже стал центром притяжения всех враждебных Москве сил. Там после разгрома своих полков укрывались принятые с почетом галицкий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка и его люди, туда слал посольства польский король и великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик, мечтавший устранить растущую опасность для него с Востока. Кроме того, Господин Великий Новгород (официальное обозначение этого государства) был богатейшей из русских земель, перекрывавшей и контролировавшей доступ к морским путям в Европу и ценнейшим товарам Севера. О немереных богатствах вечевого государства хорошо знали не только в Москве, но и в Литве, также готовой прибрать к рукам огромный край, простиравшийся от Балтийского моря до Урала и от Кольского полуострова – до Верхней Волги. В борьбе за Новгородщину Москва смогла опередить Вильну, но задача организации присоединения Новгородской земли оказалась непростой и, как уже было сказано выше, потребовала военного решения. И это при том, что огромное и богатое Новгородское государство не имело профессиональной армии как таковой. Исключением были небольшие боярские дружины и воины Владычного (архиепископского пол-

⁶⁵ Борисов Н.С. Иван Ш.С. 198.

ка). В случае опасности новгородцы вооружались и соединялись в ополчение, состоявшее из 5 кончанских полков, которые являлись тактическими единицами (выставляли их Загородский, Неревский, Людин, Славенский и Плотницкий концы). Каждый делился на две сотни, сотню комплектовали несколько улиц. Возглавлявшие их воеводы и предводитель ополчения – тысяцкий избирались на вече. Свои ополченские полки выставляли и крупнейшие из новгородских «пригородов»: Ладога, Руса (соврем. Старая Русса), Торжок, Бежецкий Верх. В небольших «пригородах» – Копорье, Яме, Орешке, Кореле и других – формировались ополченские сотни. Боярские дружины и Владычный полк составляли костяк этой рати⁶⁶.

В ходе административных преобразований, проведенных в середине XIV в., новгородское тысяцкое командование стало коллективным органом власти. Возглавлял его отныне степенной (главный) тысяцкий, выступавший от имени всего Господина Великого Новгорода, которому подчинялись кончанские тысяцкие. В XV в. была введена ежегодная ротация степенных тысяцких, что позволило обеспечивать равное представительство на этой должности бояр от разных городских концов. Однако эта система, удобная в дни мира, оказалась неэффективной во время войны, так как затрудняла командование ополченскими полками, действовавшими

⁶⁶ Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия Ш.М., 2016.

в бою несогласованно. Общая численность войск, которые мог выставить Господин Великий Новгород, составляла 30–40 тыс. воинов (в середине и второй половине XV в. в Новгородской земле проживало около 500 тыс. человек).

Отсутствие постоянных вооруженных сил объяснялось установившейся традицией приглашать для защиты страны понравившегося боярской господе и вечевикам князя. Он прибывал со своим двором – личным войском, дружиной. В XIV–XV вв. ситуация изменилась – Новгород стал заключать договоры с великим князем Владимирским, который обязывался в случае опасности присылать рати для защиты новгородцев. Взамен город принимал одного из сыновей великого князя или его наместника, ведавшего организацией обороны, исполнявшего некоторые судебные функции. Во время войны наместник становился главным военачальником, командовавшим в том числе и собранными боярскими дружинами, а также ополчениями, городским и пригородными. Известны случаи, когда новгородцы приглашали к себе на наместничество и литовских князей Гедиминовичей, давая им «в кормление» северные и западные территории Новгородской земли⁶⁷. Впрочем, московский протекторат был для Господина Великого Новгорода привычней и предпочтительней, но только до той поры, пока не затрагивал его воль-

⁶⁷ Так, в 1432–1440 и 1458–1459 годах в Новгороде «сидел» литовский князь Юрий Лугвенович (Семенович) Мстиславский. Ему были поручены новгородские «пригороды» – Ладога, Копорье, Ям, Орешек, Корела, Старая Русса.

ностей.

Великий князь давал защиту граду Святой Софии, но в случае необходимости мог и повернуть свои рати против дерзких мятежных вечевиков, сплошь и рядом не считавшихся с интересами Москвы и даже действовавших против нее. Достаточно вспомнить разбойные рейды новгородских ушкуйников, не единожды разорявших и русские земли. В них участвовало иногда до полутора-двух тысяч воинов на многих десятках кораблей – «ушкуях». Эти рейды отличались от обычных военных походов новгородцев тем, что совершались «без новгородского слова» И, хотя последнее упоминание о деяниях ушкуйников относится к 1409 году, мрачная память о разорении ими Нижнего Новгорода и Костромы сохранялась очень долго.

Все же до поры до времени великие князья предпочитали в отношении Новгорода действовать осторожно, решая возникшие конфликты прекращением хлебной торговли, крайне важной для северо-западных земель, или своего рода карательными акциями, без цели захвата новгородских земель. Без наказания остался даже замысел убить Василия II во время его пребывания в Новгороде «миром» в 1460 году. Такая несвойственная Москве мягкость и осторожность объясняется лишь опасением взорвать ситуацию, вызвав большую войну, где против великого князя могли одновременно выступить все его враги – некоторые из русских правителей, а также Ганза, Шведское королевство, Литва и Польша, Ли-

вонская конфедерация и даже Орда. Затруднила и отодвинула решение Новгородского вопроса и междоусобная война, вспыхнувшая в Московском княжестве во второй трети XV в.

Ивана III эти обстоятельства уже не сдерживали. Заметно усилившееся при нем Великое княжество Владимирское и Московское (в начале правления князя, в 1464 году, к Москве было присоединена Ярославская земля) оказалось в состоянии разобраться со всеми врагами, хотя и поочередно. При этом оно опиралось на союзников, число которых значительно возросло. На стороне Москвы выступали теперь Ростовское и Тверское княжества, Псков. Были московские доброхоты и в самом Новгороде. От целого ряда внешнеполитических проблем избавил Ивана Васильевича союз с перекопским (крымским) ханом Менгли-Гиреем, в дальнейшем ставший сильным сдерживающим фактором и для короля Казимира IV, и для правителя Большой Орды хана Ахмеда. Пришло время действовать. Москве нужен был лишь повод, и он появился, когда, в ответ на прошение веча и покойного архиепископа Ионы, в град Святой Софии приехал литовский князь Михаил Олелькович (Александрович). Выбор местных патриотов кажется странным и даже загадочным – новый правитель Новгородского государства был весьма дружески настроен к Москве и враждебно – к Вильне⁶⁸.

⁶⁸ Михаил Олелькович прибыл в Новгород 8 ноября 1470 г. (на третий день после кончины архиепископа Иона) и находился здесь около четырех месяцев, но

Возможно, волховские бояре об этом просто не знали.

После кончины архиепископа Ионы и прибытия Михаила Олельковича шедшая в Новгороде постоянная борьба за лидерство обострилась. В результате верх в ней взяла боярская партия Борецких, ориентировавшаяся на сближение с Литвой. Эта противная Москве группировка решила воспользоваться кончиной новгородского владыки Ионы, умевшего договариваться с Иваном III и убедившего великого князя «тихими очами взирать» на Великий Новгород. Архиепископ, являвшийся одновременно с этим главой вечевой республики, умер осенью 1470 года (видимо, в начале ноября)⁶⁹.

затем неожиданно вернулся в Литву. По-видимому, в Москве через своих новгородских доброхотов нашли подход к этому православному князю (матерью Михаила Олельковича была княгиня Анастасия, дочь Василия I и, соответственно, тетка Ивана III), недовольному действиями католика Казимира, ущемлявшими его личные интересы – после смерти осенью 1470 г. правившего в Киеве князя Семена Олельковича, старшего брата Михаила, король ликвидировал самостоятельное Киевское княжество. Наместником в Киеве был назначен преданный ему воевода Мартин Гаштольд, что немаловажно – тоже католик, в отличие от православных Олельковичей. В дальнейшем конфликт между Казимиром Ягеллончиком и Михаилом стал только нарастать: князь принял участие в заговоре против короля и был казнен по его приказу в 1481 г. Уходил Михаил Олелькович из Новгородской земли чуть ли не с боем и по дороге ограбил Русу, захватив не успевших укрыться людей в плен.

⁶⁹ По сообщению Московского летописного свода, Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей, Софийской первой летописи, по списку И.Н. Царского, архиепископ Иона скончался 8 ноября 1470 г. – ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 284; ПСРЛ. Т. 26. М., 2004. С. 230; ПСРЛ. Т. 27. М., 2004. С. 129; ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 148. На этом основании так датировал смерть владыки Н.С. Борисов. См.: Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 227. Однако, по сообщению Иоасафовской и Симеоновской летописей и Сокращенного летописного свода 1493 г., нов-

Новый владыка Феофил был избран по жребию и не мог помешать активизировавшимся сторонникам короля. За это время вдова прежнего главы пролитовской партии Исака Андреевича Борецкого Марфа, прозванная новгородцами Посадницей, и двое ее сыновей, Дмитрий и Федор, взяли верх над сторонниками Москвы. Борецким и архиепископскому ключнику Пимену, противнику Феофила, удалось подкупить «худых мужиков вечников». Именно Пимену принадлежала «смелая» и напугавшая многих идея перевести новгородскую церковь в подчинение киевскому митрополиту Григорию. На вечевом собрании сторонники Борецких взяли верх над своими оппонентами и забросали их камнями. Запуганное вече потребовало отправки посольства к королю – просить помощи против Москвы. В Литву немедленно выехали житья люди (младшие бояре) Панфил Селивантов и Кирилл Иванов сын Макарьин, объявившие Казимиру IV: «волны есмы люди Великыи Новъгород, бьем челом тебе, честному королю, чтобы еси, государь, нашему Великому Новугороду и нам господин был»⁷⁰. Казимир IV принял послов бла-

городский архиепископ Иона умер 5 ноября 1470 г. «на память святых мученик Галактиона и Епистимии». – Иоасафовская летопись. М., 2014. С. 62; ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 225; ПСРЛ. Т. 27. С. 277. Видимо, составители Московского летописного свода и Софийской первой летописи ошиблись, спутав даты кончины двух духовных лиц – 8 ноября умер другой Иона, епископ Пермский. См. об этом в Софийской второй летописи: «В лето 6979, месяца ноября преставися Иона епископ Пермский. Тое же осени преставися архиепископ Иона Ноугородской». – ПСРЛ. Т. 6. М., 1853. С. 190.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 285.

госклонно, но открыто вмешиваться в новгородские дела не спешил.

Подготовкой текста договора Господина Великого Новгорода с Казимиром IV пришлось заниматься самим посадникам. Наконец он был составлен, но остался неутвержденным, подписанным представителями лишь одной стороны – новгородской. Грамоту, а с ней, как оказалось позже, и смертный приговор себе, скрепили подписями два посадника и пять житейх людей.

Договор предоставлял литовскому великому князю примерно такие же права в Новгородском государстве, как те, что «по старине» принадлежали раньше великим князьям владимирским. Составители признавали за Казимиром право присылать в Новгород наместника, получать доходы с новгородских волостей, а также утверждали за ним право суда. Со своей стороны, согласно договору, Казимир IV обязался защищать град Святой Софии от русского государя: «А пойдет князь велики московский на Велики Новъгород, или его сын, или его брат, или которую землю подымет на Велики Новъгород, ино тебе, нашему господину честному королю, всести на конь за Великий Новгород и со всею своею радою литовскою против великого князя (московского – *В.В.*), и боронити Велики[й] Новъгород». Особо оговаривались церковные дела. Казимир не должен был пытаться ввести католичество в Новгороде. Запрещалось строить «римские церкви» (католические храмы) в Новгороде, в «приго-

родах», по всей земле Новгородской. Наместник великого литовского князя должен быть православным, жить на Городище и иметь при себе не более 50 человек. Договор означал полный разрыв с Москвой и переход под власть католической Литвы, хотя формально новгородцы требовали от короля Казимира IV сохранения прав православного духовенства и мирян и поставления наместником приверженца «греческого закона»⁷¹, но эти условия со временем, несомненно, изменились бы.

Несмотря на открывающиеся перспективы, Казимир IV не спешил воспользоваться сложившейся ситуацией, желая подстраховаться и подключить к будущему союзу и властителя Улуг-Улуса (Большой Орды). Из Вильны в ставку правившего тогда в Орде хана Ахмеда (Ахмата) был срочно отправлен татарин Кирей Кривой. В верности его сомнений не возникало. Кирей Кривой был «купленным холопом» московского государя Ивана III, предавшим господина и бежавшим от государева гнева в Литву. Казимир IV поручил ему передать Ахмеду грамоту, в которой предлагал начать войну с Москвой. Свое предложение король подкрепил богатыми подношениями хану и его мурзам. Кирей «пришел к царю (Ахмеду – *В.В.*), начат многи речи лживые и обговоры от короля на великого князя (Ивана III. – *В.В.*) говорити..., чтоб вольной царь пожаловал, пошел на московского великого князя съ всею Ордою своею», а король Казимир IV от-

⁷¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949. № 77. С. 130.

правился бы на Москву со своими войсками с другой стороны⁷². Литовский посланник пробыл у хана почти год, но так и не сумел убедить его развязать войну с Иваном III. Возможно, татарский владыка рассчитывал вмешаться в события после начала конфликта между Вильной и Москвой, в самый удачный для себя момент, но просчитался. Казимир предпочел не рисковать без твердой уверенности получить помощь от Орды и предоставил Новгород своей судьбе, хоть и стремился до возвращения Кирея Кривого затруднить действия Москвы. С этим, несомненно, связана попытка запугать псковичей, заставить их воздержаться от поддержки Ивана III в распре с Новгородом⁷³.

Между тем ситуация в Граде Святой Софии продолжала накаляться. Избрав владыкой Феофила, новгородцы приняли решение отправить его на поставление в сан не к московскому митрополиту Филиппу, а к киевскому митрополиту Григорию – хотя и в прошлом, но стороннику унии с Римом, кафедра которого находилась в Великом княжестве Литовском. Эти действия новгородцев были расценены как «измена православию» и прямой вызов государю.

Понимая, что выбранная ими политика, демонстративно противная Москве, ведет северное русское государство к от-

⁷² Иоасафовская летопись. С. 62. На эту попытку объединить силы Литвы и Орды против Москвы обратил внимание еще С.М. Соловьев. См.: Соловьев С.М. Соч. Кн. 3. М., 1989. С. 73.

⁷³ Борисов Н.С. Указ. соч. С. 229.

крытой борьбе с великим князем, власти Новгорода стали готовиться к войне, причем без союзников и боеспособных ратных сил. Война, действительно, не замедлила начаться – в мае 1471 года Иван III отослал в Новгород объявляющие о разрыве отношений «грамоты разметные за их неисправление». Поход назначили на приближающееся лето, так как весна в том году была поздней. В Москве учли, что после окончания паводка в северо-западной Руси наступал недолгий период ясных дней, дороги становились проходимыми, болота, через которые вели гати, – сухими⁷⁴.

Времени оставалось мало, и начался лихорадочный сбор войск. Особенно важным и в дипломатическом, и в военном отношении для Ивана III было заручиться помощью псковичей. К ним 23 мая направили дьяка Якоав Шабальцева⁷⁵ со строгим приказом великого князя своему наместнику, Федору Юрьевичу Шуйскому, немедленно «сложить целование» Новгороду и «положити розметнии грамоты... за великого князя обиду». Самому же во главе псковских полков идти разорять порубежные новгородские пределы⁷⁶.

⁷⁴ О трудностях похода в край, изобиловавший озерами, реками и болотами, в Москве знали и учитывали это обстоятельство. – ПСРЛ. Т. 18. С.227.

⁷⁵ Иоасафовская летопись. С. 66.

⁷⁶ В поход выступило 10-тыс. псковское войско («вся сила псковская»), которое вели сын псковского наместника, князь Василий Федорович Шуйский, и посадник Тимофей Власевич. Оно осадило новгородский «пригород» Вышегород, но взять смогло не сразу. Еще одно небольшое псковское войско, собранное воеводой Манухно Суйгиным, насчитывавшее 1500 воинов, было разбито новго-

Вятское ополчение с Борисом Матвеевичем Слепцом Тютчевым и устюжская рать с Василием Федоровичем Образцом по слову государя двинулись на принадлежавшие тогда Новгороду земли по Северной Двине. Послы прибыли и в Тверь, «помочи прося на новгородцев», князь Михаил Борисович также решил выступить на стороне Москвы. На границе собралось тверское войско, командиры которого, воеводы князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Никитич Жито Бороздин, были готовы присоединиться к армии Ивана III в Торжке⁷⁷.

Рать за ратью к новгородским границам шли войска. Первыми двигались выступившие 6 июня 1471 года («за неделю до Петрова заговенья») полки Данилы Дмитриевича Холмского и Федора Давыдовича Хромого. Эта конная рать насчитывала 10 тыс. воинов и шла на Руссу (Старую Руссу) и дальше, к Демону (совр. Демянску)⁷⁸. За ними 13 июня столицу покинули отряды Ивана Васильевича Стриги Оболенского и служилые татары касимовского «царевича» Даныяра. Им предстояло обойти Новгород с востока, отрезав от северных «пригородов»⁷⁹. Затем, уже 20 июня, вышли главные силы, с которыми ехал и сам Иван III. Это был страте-

родцами в Бельской губе за рекой Лютой, впадающей в Шелонь. – ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 181–183.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 230; Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 282.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 189.

⁷⁹ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 103.

гический резерв, готовый вступить в дело в чрезвычайном случае. Обострения обстановки во время боевых действий не произошло, и все труды и слава достались Холмскому и Хромому.

Основным театром военных действий стали волости по южному берегу озера Ильмень. Видимо, зная о разделении великокняжеского войска, новгородские воеводы также решили рассредоточить свои силы. На тот момент основной задачей для них являлась защита южных «пригородов», вспомогательной – разгром 10-тысячной псковской рати Василия Федоровича Шуйского и посадника Тимофея Власевича, шедшей к Новгороду с юго-запада. Впоследствии приоритеты сместились – псковичи двигались слишком быстро, именно навстречу им выступило главное новгородское войско Дмитрия Борецкого и Василия Казимира. Выступило, но не дошло, перехваченное московскими воеводами у реки Шелони.

24 июня 1471 года 5-тысячный Передовой полк Холмского и Хромого захватил и сжег Русу. После воеводы двинулись дальше, по приказу великого князя торопясь навстречу приближавшейся с запада псковской рати. Однако марш был прерван боевой тревогой. Подошедшая со стороны озера Ильмень на судах большая новгородская рать высадилась на берег и 7 июля вступила в бой с москвичами у погоста Коростынь. Нападение было внезапным, и поначалу атакующим удалось потеснить воинов великого князя, но затем сказа-

лась лучшая выучка профессиональных бойцов, и ход битвы изменился. В жестоком бою новгородцы потерпели поражение – в их «пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша». Но едва было покончено с первым неприятельским войском, как пришла весть, что вторая судовая рать идет к сожженной Русе. Двигалась она по реке Поле⁸⁰

⁸⁰ Иоасафовская летопись. С. 69, ПСРЛ. Т. 18. С. 230.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.